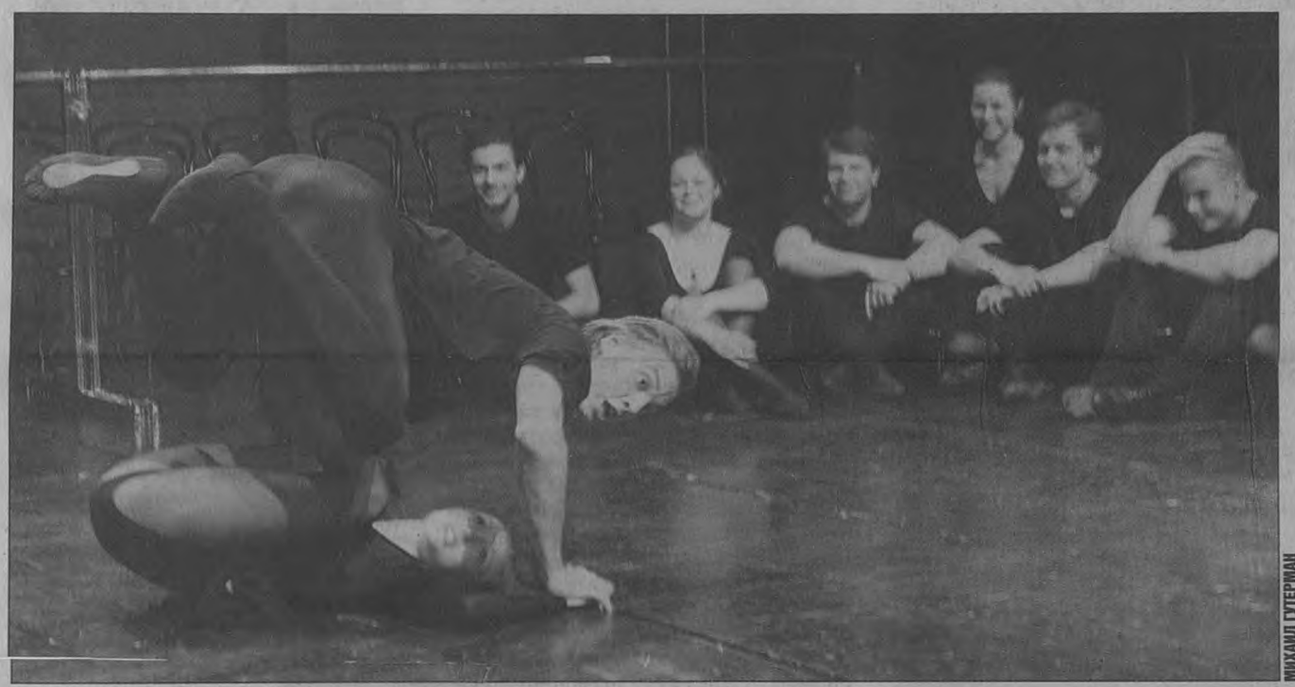
КАК РОЖДАЮТСЯ АКТЕРЫ

Новые известия. – 2006. – 13 февр. – с. 5.

Лучший театральный режиссер России Лев Додин раскрыл в Москве тайны своей мастерской



МИХАИЛ ГУТЕРМАН

Чтобы стать настоящими профессионалами, додинские студенты работают с 9 утра до полуночи.

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

Ольга Егошина

В день рождения Всеволода Мейерхольда в центре его имени прошел «Открытый урок» одного из самых известных российских режиссеров Льва Додина. Встречей с Додиным, которая стала без преувеличения главным театральным событием февраля, руководитель центра Валерий Фокин открыл новую программу «Школа», в рамках которой московские театралы будут знакомиться с методами ведущих мастеров российской режиссуры. Впереди встречи с Камой Гинкасом, Петром Фоменко и другими режиссерами и драматургами первой величины.

Одно из самых комфортных ощущений детства – уверенность в надежности окружающих людей. Не возникало сомнений, что мама – настоящая мама. Врач умеет лечить, учитель – учить. По мере взросления что-то происходило с миром вокруг. Вдруг разом появилось огромное количество людей, которые занимаются чем-то, что делать не умеют. Продавцы не умеют продавать. Военные воевать. Выражение «компетентный политик» давно стало оксюмороном типа «черный снег» или «твердая вода». Садясь в маршрутку, народ крестится – авось доедем! Доверить ребенка воспитателям детсада страшно. На эстраде поют безголосые певцы. Посмотрев по телевизору очередной сериал, кто-то просто плачет. А кто-то размышляет о всемирном заговоре бездарностей. Или еще более экзотическом заговоре: спецдесанте, который брошен на наше телевидение с исключительной целью снимать как можно хуже. И даже в заповедной области – в театре из сезона в сезон все как-то тускнеет.

Нет, великие, слава Богу, остались. Но, перефразируя Чехова, средний актер стал гораздо хуже. В девяти из десяти своих театральных походов вы попадаете на полулюбительские постановки. Средней руки режиссура, плохо обученные актеры с кашей во рту, с тяжелым, негибким телом, непослушными руками, однообразным и скучным рисунком роли. Начавшаяся игра на понижение набирает обороты, и остановить ее можно, видимо, только мерами чрезвычайными.

И вот долгие разговоры о кризисе нашей театральной школы сменились первыми реальными шагами. Центр Мейерхольда объявил о новой программе, которая так и будет называться – «Школа». И открывшим ее мероприятием стало приглашение самого известного режиссера страны, руководителя Санкт-Петербургского МДТ - Театра Европы, Льва Додина вместе с его студентами.

Зал брали штурмом. Были заполнены все места, в том числе и неудобные, с которых можно было только слышать, но не видеть происходящее. Пришли учителя театральных вузов, актеры, режиссеры, студенты всех училищ Москвы (единственно, кого нельзя было разглядеть в толпе, – руководителей вузов).

На протяжении трех с половиной часов аудитории показывали части учебных занятий по специальности. И выяснилось, что стать «актером Додина», пожалуй, не легче, чем космонавтом. 29 человек были отобраны из четырех тысяч желающих. За три с половиной года отсеялись еще 12 («не выдержали, перевелись туда, где полегче»,– пояснил Лев Абрамович). И их можно понять. Занятия начинаются каждый день в 9 утра, заканчиваются в 23.45 (чтобы успели на метро). Выясняется, что, если работать по 15 часов в день, за три с половиной года можно научиться элементам классического балета, современному танцу, цирковой акробатике. Можно научиться петь классическую музыку с листа, овладеть саксофоном, флейтой, контрабасом (на курсе есть занятие «духовой музыкой»). К занятиям сценической речью петербургский мистер Хиггинс – профессор Валерий Галендеев пригласил всех желающих. Но рискнувшие выпускники и студенты столицы скоро сошли с дистанции. Повторять в странном ритме абракадабру, звучащую как заклинание, можно только после ежедневных тренировок. Студенты демонстрировали умение артикулировать из любого положения – стоя, лежа, на руках, с партнершей на спине, в акробатическом прыжке. Как поясняет Додин, «со студентами проще еще и потому, что они не знают, что чего-то нельзя. Им говоришь, что надо, и они делают». Так, в студенческом спектакле «Все эти звезды» (1983) Петр Семак пел, спускаясь на руках по лестнице. А в выпускном «Гаудеамусе» (1984) Сергей Курышев ногой на парящем над сценой рояле играл Баха.

Большинство преподающихся дисциплин имеет значение прикладное (вряд ли студенты Додина пойдут петь на эстраду или играть в оркестр): размять тело, подготовить голос для главного – для уроков мастерства. Нынешний курс готовит к выпуску спектакль по роману Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». С первого курса читают большой круг литературы того времени, съездили в Освенцим и в норильские лагеря, изучают быт, моду, язык того времени. Как поясняет Додин, неизвестно, что войдет в спектакль, но знания не бывают лишними, все пригодится, и все откликнется. Потому что как тело, так и душа нуждается в постоянной и ежедневной работе. И только так появляется человек, которого можно назвать артистом.

Лев ДОДИН: «Театр редко дает большую радость»

– Сейчас театр срастается с шоу-бизнесом, меняются ценности, цели, задачи и способы существования. Как вы относитесь к этому?

– Я нормально отношусь к шоу-бизнесу. Мне просто кажется, что не надо смешивать разные вещи. А у нас их смешивают. В России, скажем, всегда было деление на писателей и беллетристов. А сейчас все – писатели. Я помню, как в Москву приехали Олби, Стейнбек – живые классики. У них была встреча со зрителями, а потом, опоздав, вошел Артур Хейли, автор тогда чрезвычайно популярных романов. Он сел где-то сзади. Ему наши организаторы стали предлагать пересесть в президиум. Он отказывался. После окончания вечера его журналисты спросили, почему он не пересел. И он ответил: «Там же сидели писатели!» Он все понимал про себя и про место в литературе. У нас сейчас совсем потеряна иерархия. Всех называют писателями, всех называют артистами, все называют театром.

– Сейчас зритель ходит в театр в поисках развлечения. А вы предлагаете «Жизнь и судьбу»...

– Все, чем мы занимаемся в театре, – это все-таки попытка понять – прошу прощения за все высокие слова, – почему и зачем мы живем и почему и зачем умираем. И вне этого нет других смыслов. Я убежден, что и люди в театр ходят ради этого. Даже, если зритель идет развлечься, он хочет развлечься в какой-то высшей структуре, испытать радость. Другое дело, что театр очень редко дает эту возможность – большой радости или большого горя. И большая радость, и большое горе делают нас людьми, на секунду заставляют нас почувствовать себя частью человечества, испытать сострадание по поводу другого, испытать радость по поводу другого.